

НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ

Двухнедельный общеказачий журнал

№ 25

1 мая 1944 года

№ 25

428 содержание:

К годовщине первой казачьей дивизии

★

Пятая беседа старого казака с молодыми

★

Десант и «вторжение» — В. Огнев

★

Методы советской агитки

★

Военное положение Германии — В. Огнев

★

Исторические очерки Дона (Продолжение) — П. Н. Краснов

★

Старшинство казачьих войск — Казак

★

Лбищенский рейд (продолжение) — А. Погодаев

★

Таис (продолжение) — Т. Левшина

★

Книжная полка

★

На чужой стороне

★

Результаты литературного конкурса

★

Розыски

К годовщине первой казачьей дивизии

Начальник дивизии генерал фон Паннвиц на смотре своих полков

Адрес редакции: „Kosakenposten“ F.P. Nr. 02306

Письмо начальника управления казачьих войск начальнику первой казачьей дивизии генералу фон Паннвицу

Ваше Превосходительство!

Вас, немецкие кадры дивизии, господ офицеров и всех казаков доблестных ее полков сердечно поздравляю с годовщиной ее существования под Вашим мудрым водительством.

От всего сердца желаю всем Вам здоровья и крепости сил телесных и душевных.

Желаю Вам, чтобы к Вашей дивизии присоединились новые и новые казачьи части, чтобы Вы, Господин Генерал, к началу общего наступления на восток стали во главе целого казачьего корпуса, который повели бы к окончательной победе над коварным и лживым врагом.

Тогда на родной казачьей земле найдется место для всех чинов немецкого кадра, для всех казаками любимых начальников, кого они просили быть их «почетными казаками», для всех тех, кто до окончательной победы будет доблестно сражаться в казачьих рядах, чтобы там они, наряду с казаками, могли приступить к мирной и полезной деятельности.

Остаюсь искренно преданный Вам

П. КРАСНОВ

Беседы старого казака с молодыми

Беседа пятая

О зачислении не-казаков в казаки

— Я пришел к вам, казаки, чтобы повести с вами беседу об обучении владению оружием — так стояло у меня на очереди, в порядке моих с вами бесед. Вы же огорошили меня вопросом: — «не пора ли, не настало ли время всех тех, кто стоит с нами в одних боевых рядах: немецких офицеров и немецкие кадры; всех «иногородних», независимо от того кто и откуда они, если они честно борются в казачьих рядах против большевиков, сделать казаками?.. Чтобы они и теперь и в будущем пользовались одинаковыми правами с кровными казаками. Как то было 300-400 лет тому назад в Запорожской Сечи.

Признаюсь, удивили вы меня не мало. Так много говорил я вам о том, что такое — казак, и вижу: все не в прок.

Заданный вами вопрос — животрепещущий, или, как теперь, забывшие в советчине русский язык люди, говорят по-иностранныму — а к т у а л ь н ы й.

Поговорим о нем.

Прежде всего нужно отделить немцев и «иногородних», независимо от того кто и откуда они.

Германским войскам и Германскому народу казаки обязаны своим освобождением от нестерпимого жидовского, большевистского ига; своим возрождением, тем, что проклятое большевиками имя казака стало славным. Донское же войско обязано немцам дважды: в 1918-м году, когда донцы просили у немцев помощи в начатой ими борьбе с большевизмом и эту помощь получили; и не только оружием, но и кровью. Тогда немецкие солдаты гибли в одних рядах с донцами под Батайском и смелым боем не допустили взятия большевиками Таганрога. Ряды немецких могил на Таганрогском кладбище тому свидетели.

В нынешнюю войну немцы, в 1942 году, освободили нас от большевизма и вывели со всем оставшимся в живых казачьим народом не только донцов, но и прочих войск казаков на свободу.

Я пришел к вам на беседу под свежим впечатлением блестящей победы Сибирского Казачьего Кон-

ного полка, Казачьей конной батареей и разведывательного дивизиона 1-й Казачьей Конной дивизии, 29-го марта сего года, когда эти части под командою барона фон Нелькен и ротмистра Вейль окружили и уничтожили 2-ю Мославинскую бригаду и «Роска» — дивизион противника. В этом бою кавалер Рыцарского ордена Железного креста оберлейтенант Гюнтер Амелунг, командир 1-го эскадрона разведывательного дивизиона; лейтенант Ганс Райнер фон Флотов, командир взвода разведывательного дивизиона; вахмистр Вильгельм Францен, командир взвода 1-го эскадрона разведывательного дивизиона; шесть немецких унтер-офицеров и солдат пали на поле брани.

Разве можем мы забыть святую их кровь, с нами, казаками, за наше общее дело борьбы с большевизмом пролиту?

Разве можем мы забыть и других немцев, павших в боях, или раненых на различных фронтах?

Мы их никогда не забудем!

Разве можем мы забыть наших немецких начальников, созидающих прочные казачьи части, воспитывающих, обучающих, вооружающих их и ведущих в бой, к победе?

Можем мы забыть немецких управителей, кто принял нас и заботливо ведет к нашему воскресению? Тех, кого мы по всей справедливости, от полноты казачьего сердца, назвали своими «почетными казаками»?

И, конечно, мы никогда не забудем великого Вождя Германского народа Адольфа Хитлера, кто один только мужественно поднял меч борьбы для спасения мира от ужасов жидовского порабощения большевиками. Мы присягнули ему и будем ему всегда верны.

Долг платежом красен!

Вернемся домой — им честь и место в наших просторных степях и предгорьях Кавказа. Будут они у нас уже не только почетными гостями, но равноправными братьями. Дружными любимыми соратниками в прошлом великой войны, в будущем — нашими соседями и сотрудниками в мирном труде. С ними, нас освободившими, нам будет легче жить, чем жилось нам с теми, кто нас выгнал из родных земель.

Если там кто из них захочет свое честное имя немца сменить на славное имя казака — милости просим — каждая станица примет боевого соратника. Были-же на Дону на протяжении двух столетий казаки — Миллеры.

Другое дело «иногородние» — не немцы.

Вот вы перебиваете меня и говорите: — Запорожская Сечь!.. Историю народа, как образец и пример нельзя брать в одном каком то отрезке. Ее нужно брать в ее целом, на всем протяжении пятивекового существования вольного казачества.

300-400 лет тому назад, чем жили Запорожская сечь и понизовье Дона? — Разбоями и грабежами. На легких лодках ходили казаки к берегам турецкой Анатолии, Крыма, к Кавказским горам; грабили городки и села, брали ясырей и ясырок — пленников и пленниц. Жили — добычей. Для того нужны были лихие товарищи, отважные, смелые — кому — «жизнь копейка»... Да и тех брали не так уже, чтобы «без разбора». Спрашивали: — «в Бога веруешь?» «Перекрестись». В ту пору у людей вера была крепкая. Кто именем Бога поклялся, сказал — «ей Богу» — тот уже, верьте слову, не изменит.

Вы спрашивали тех, кого хотите писать в казаки об этом? Зачисляя в казаки, интересовались вы этим вопросом? Или, по равнодушию, обходили его молчанием. Нельзя, мол, тревожить чужую совесть.

Да и суровы были законы Запорожской Сечи и Донской Вольницы. Малейшее неповиновение, трусость, намек на измену и — «в куль да и в воду», или «посады на площади забить камнями», или «расстрелять стрелами»...

Разве такие теперь времена? Разве можно так вдруг, по призыву загулявшего казака-атамана, бросить ряды полка и пуститься грабить, например, — Италию?.. Или от Атлантического побережья, поплыть искать добычи, пленников и пленниц в Испании и Португалии?

Вот вы смеетесь, а мне, ей Богу, не смешно.

Вы мне говорите, что там-то и там-то «писали в казаки» станицы...

Разберемся... какие станицы? Да, вы знаете, что такое правомочная станица, только и могущая писать не в «почетные», а в кровные казаки? Это не двадцать, тридцать живущих за границей, или служащих в одном полку казаков, часто даже и разных станиц, сказавших — «составим такую-то станицу».

Настоящая станица — административная величина, обладающая своею, и не малою, землею, станичным юртом.

Юрт — это значительный кусок земли, из которого станичный сход наделяет казаков станицы: приусадебным участком, где казак ставит свой курень (хату), устраивает базы, ставит на них сарай для скота, конюшни, птичий двор, сад, баню и прочее; дает казаку его пай — земельный участок для распашки и посева хлебов; дает право на деляну — получение отвода в степи для сенокоса, дает право пасти скот на общественной толоке и выпускать лошадей в станичный табун.

Это — права казака.

Станица-же налагает на казака ряд обязанностей. Прежде всего военную службу Государству на своем коне, со своим снаряжением. Охрану станицы от могущих быть на нее нападений — полицейскую службу в станице. Дежурство при станичном правлении — «сиденочную повин-

ность». Суд и расправу над провинившимися. Зачислить когонибудь в казаки — это значит дать ему все эти права и наложить на него обязанности. Можно разве сделать это теперь-же, во время войны, на походе? Сделать это из одного только трогательного, святого и так каждому казаку-солдату понятного чувства общей солидарности, содружества в страшной боевой страде, в одном полку?

Нет.

Нет ни земли, ни станиц с их правомочными сходами, ни настоящих прав. Все это можно сделать только после войны, на своей, или отданной казачьим войскам и закрепленной за ними земле.

Да и тогда перед нами станет вопрос крови. Казаки за века своего свободного и обособленного от России существования создали свой казачий народ.

Вы говорите — раса? Расистский вопрос, как в Германии? Нет. Это не так. Казачьей расы нет. Казаки — или великороссы, или малороссы. Казачьей расы не создалось, но казачий народ есть. Не зря говорится — «казак казака видит издалика». Вот, встретились, совсем незнакомые: в далекой путине, в вагоне или на походе, на случайном привале. Пригляделись друг другу.

— А ить вы — казак?

— Казак.

— Какой станицы?

И стали, как братья.

Брать чужаков, неверов, не знающих или лишь наружно подметивших наши обычаи?.. Плясать «казачка», или «лезгинку», лихо пить самогон, или ракию, петь частушки, или сентиментальную «Катюшу», ловко носить черкеску и башлык и заламывать шапку-кубанку на бок — это не значит стать казаком.

Писать в казаки будем.

Не потому, что нас мало. Нас достаточно. На все войска хватит. В Донском войске из 5.000 казаков за пять веков выросло 3 миллиона. Ну-ка поразмыслите, кто силен в арифметике, сколько выйдет из 100.000 казаков, скажем, за какие-нибудь пятьдесят лет?

Но брать будем тех, кто запечатлел свою годность быть казаком, кто с нами кровью опаялся.

Кто с нами:

Искренней верой в Бога.

Храбростью, удостоенной награждением орденом Железного Креста.

Безупречным поведением во время войны, не запятанным пьянством, грабежами, насилием над жителями и, особенно, над женщинами.

Кто и до войны жил с нами, знает и понимает нашу жизнь и наши казачьи обычаи.

Кто никогда не нарушил своей присяги. Не был НКВД-истом, коммунистом, кто свято и люто ненавидит большевиков и никогда с ними не примирится.

Кто никогда не изменит данной им присяге.

А так?.. «Ты был хорошим товарищем. Мы прожили с тобой два года походов и войны — будь казаком»...

«Не легкомысленно ли это будет?»

Не уронит ли это славное имя казака в глазах казаков, в глазах немцев и в глазах самих «иногородних»?

Нет, казаки, будем пуще глаза беречь свое казачье имя и прежде всего добиваться победы, полной победы над большевиками! Старый казак

Десант и „вторжение“

По мере того, как на первый план стали выдвигаться серьезные деловые рассуждения, заглушившие рекламную шумиху не столько компетентных, сколько прытких жидков-пропагандистов, хвастливые заявления англо-американцев о предполагаемом вторжении их в Европу сделались скромнее. Когда в неприятельском лагере привялись за подсчет предусматриваемых потерь и когда американские военные эксперты подсчитали, что доля армии Соединенных Штатов в этих потерях выражается довольно значительной цифрой — минимум 500 тысяч человек — слово «вторжение» для англо-американцев заметно стало терять свое первоначальное очарование.

В Германии тема о возможности «вторжения» обсуждается с трезвостью и спокойствием, которые покоятся на сознании собственной силы и подготовленности. Германские эксперты признают, что если бы англо-американцы предприняли в Европе крупный десант, это несомненно вызвало бы серьезное напряжение и испытание для германских воздушных, наземных и морских вооруженных сил. Они указывают, что со стороны Германии приняты все надлежащие меры для того, чтобы с честью выдержать подобное испытание, и даже более того — нанести неприятелю такой тяжелый удар, который будет иметь решающее для исхода войны значение. Совершенно очевидно, что при отражении подобного нашествия противника, Германия рискует значительно меньше, чем неприятель. Ведь даже в случае удачного для них исхода подобного «вторжения», западные враги Европы могли бы только за счет тягчайших жертв в живой силе и военных материалах частично вернуть то, что им уже принадлежало в 1940 г., а именно: свои позиции в Европе. При этом еще слишком сомнительно, чтобы им удалось удержать за собой эти позиции для того, чтобы отсюда начать наступление против самой Германии. Опыт в южной Италии, где англо-американцы, хотя и располагают сейчас позициями, все же не могут справиться с полдюжиной германских дивизий, казалось бы, неопровержимо доказывает, что даже удавшееся «вторжение» вовсе еще не будет равносильным успешному походу против Германии. Если же операцию вторжения с самого начала постигнет неудача, то это обозначило бы для англо-американцев такой удар, от которого они не в состоянии будут оправиться.

С военной точки зрения следует делать четкое различие между понятиями «вторжение» и десант. Десант — нечто иное, как предпосылка для вторжения, и удачное осуществление его отнюдь не означает, что произошло что-то решающее. В свое время англичанам удалось высадить в Норвегии десант крупных сил и, тем не менее, они в кратчайший срок проиграли норвежскую кампанию. Весною 1941 года им также удалось укрепиться на Балканском полуострове и, тем не менее, авантюра эта закончилась для них паническим бегством на мало-азиатское побережье. Даже высадка в Сицилии и южной Италии, в которой англо-американцы имели дело с противником, значительно уступающим им по силе, и, кроме того, изменнически покинутым своим итальянским союзником, не дала возможности победоносно закончить задуманный поход. Так и осталась она высадкой, не перешедшей во «вторжение».

В современных условиях десантная операция может рассчитывать на успех в том случае, если она осуществляется в теснейшем взаимодействии воздушных, морских и наземных сил; высадившиеся войска должны стремиться как можно скорее создать предместное укрепле-

ние, с которого они могли бы продвинуться вглубь страны, прервать важнейшие коммуникации противника с тем, чтобы парализовать его оборонительную систему. Это предместное укрепление должно быть создано вокруг порта, который должен служить пунктом выгрузки военных материалов для десантных войск. Высадка на открытом побережье не может служить предпосылкой успешного массированного наступления. Поэтому неприятель, предпринимая десант, во время первой фазы боевых действий должен будет направить все свои усилия к тому, чтобы овладеть подходящими портами. Только в том случае, если ему удастся добиться успеха в первой фазе, он сможет перейти ко второй фазе операций высадки — систематической выгрузке войск и материалов и занятию исходных позиций для наступления на полевые укрепления. И только в том случае, если будет создан и обеспечен достаточно широкий и глубокий плацдарм для развертывания войск, высадка постепенно может перейти во «вторжение». А тут, как мы уже упоминали выше, и начинаются открытые операции против обороняющейся стороны, которая попрежнему имеет преимущества, так как ее пути сообщения не нарушены и так она может свободно маневрировать по внутренним линиям. Затем начинается сухопутная война, управляемая уже своими собственными законами: начинается собственно сражение.

Таким образом, военная операция десанта и «вторжения» предъявляет к наступающему противнику ряд серьезных требований, в то время, как обороняющаяся сторона, естественно, имеет ценные преимущества. Эта сторона с самого начала знает, что ей следует концентрировать все внимание на защите своих портов. Осуществляет она это усилением обороны на слабых пунктах побережья, что неминуемо должно повлечь за собой тяжелые потери противника уже во время самой первой фазы борьбы — во время боя за предместное укрепление. Затем обороняющаяся сторона прилагает все возможные средства к тому, чтобы затруднить неприятелю образование плацдарма для развертывания войск. Для этого ему преграждают пути сообщения ведущие от порта вглубь страны, создают мощные укрепления и сосредотачивают здесь подвижные мощные укрепления и сосредотачивают здесь подвижные резервы обороны. На тот случай, если противнику удастся успешно провести, как первую, так и вторую фазу борьбы, то-есть, десант и развертывание войск, обороняющийся располагает в глубине оборонительной полосы всеми стратегическими и тактическими возможностями, чтобы принудить наступающего принять сухопутные сражения, которые поведут к изурношению сил наступающей стороны. Таким образом, потеря прибрежной полосы для обороняющегося отнюдь не означает, что сражение проиграно. Судьба вторжения решается только в глубине оборонительной полосы, а здесь — инициатива находится в руках обороняющегося.

Во время этой войны тактика десантов развивалась, так сказать, в обратном порядке. В первой фазе европейской и восточно-азиатской войны отважно и неожиданно проведенные десанты нередко приводили к блестящим результатам. Их производили германцы в Норвегии и на Крите, а японцы — на бесчисленном количестве островов южной части Тихого океана, при помощи современных технических средств и при условии баснословной быстроты, не дававшей противнику организовать оборону. С тех пор готовность к обороне с обеих сторон настолько возросла,

что такое проведенное экспромтом предприятие не имеет никаких шансов на успех. Десанты англо-американцев в Тихом океане, направленные против занятых японцами островов, проходят уже под знаком большого сосредоточения материалов и длительной, тщательной подготовки. Десант в Европе, в связи с тем, что Германия соорудила величайшие из когда-либо виданных укреплений, потребует еще во много раз большей подготовки и концентрации материалов. Однако, тщательная подготовка десанта и концентрация крупных боевых сил имеют тот недостаток, что путем воздушной разведки обороняющаяся сторона будет иметь возможность обнаружить угрожающую опасность и принять свои контрмеры.

Важнейшей предпосылкой для успешной высадки в настоящее время является чрезвычайно энергичная поддержка десантных войск воздушными силами и надежная защита с воздуха легко уязвимогo морского транспорта. В восточной Азии выяснилось, что авиаматок для этого недостаточно: во-первых, число несомых ими самолетов очень ограничено (30—60), а, во-вторых, стартующие с авиаматок

гидропланы во всех смыслах уступают сухопутным самолетам. Таким образом, наступающий несомненно попытается произвести высадку в таком месте, где он мог бы рассчитывать на непосредственную поддержку своих воздушных сил, расположенных на близ лежащих авиабазах. Англо-американская высадка на Сицилии оказалась возможной благодаря тому, что воздушные эскадры противника стартовали с расположенной по близости Мальты, а при высадке в южной Италии они опирались на Сицилию.

Европейские области, наиболее подверженные ударам неприятельского воздушного флота, в то же время стоят под защитой сильнейших укреплений и поэтому атаковать здесь противнику слишком трудно. С точки зрения воздушной войны, идеальной зоной для высадки был бы берег Ла-Манша. Но именно он наиболее мощно защищен германским «Атлантическим валом».

Таким образом, высадка, являющаяся только предпосылкой для «вторжения», содержит в себе множество сложнейших проблем, не предвещающих никакого успеха для наступающего.

В. Огнев.

Методы советской агитки

В чем заключается сила большевистской пропаганды, чем объяснить ее власть над умами подсоветских граждан? Задаваясь этим вопросом, мы неизбежно приходим к нескольким определениям, вскрывающим суть нехитрого секрета, при помощи которого партийная печать и радио умудряются еще до сих пор владеть умами миллионов людей, в большинстве враждебных советской власти.

Первое и главное свойство партийной пропаганды — это ложь. Большевистские борзописцы врут с редкой самоуверенностью и бесстыдством. Они исходят при этом из монопольного положения в стране партийной пропаганды. Все, что печатается в «Известиях» и «Правде», все, передается в эфир по московскому радио, — не может встретить в СССР никакого опровержения. А потому «вали, ври во всю Ивановскую», решают кремлевские борзописцы, «публика — дура, все съест». Советская публика, конечно, не дура, но так как голод не тетка, в том числе и информационный, то ей действительно приходится есть неаппетитные блюда из кухни советского Информбюро и редакции «Правды».

Ложь, повторенная два раза, смешна, когда нелепость повторяют пять раз — она раздражает, при десятом повторении нелепости уже не замечают, при двадцатом — она кажется правдоподобной. Советская пропаганда повторяет свои нелепости с утра до вечера сотни раз; неудивительно, что они застревают в ушах слушателей и мешают им внимать доводам собственного рассудка. Астрономические цифры, демагогические обращения к национальному чувству русских, пушечные салюты в Москве, маршальский мундир Сталина, организация «синаода» для избрания патриарха — все это действует на сознание людей подобно наркозу, одурманивает порой даже ясные головы.

Если первой особенностью советской пропаганды является «монопольная ложь», то ее вторую особенность составляет навязчивое и примитивное однообразие. Вот уже два года, как советские люди не читают ни одной статьи, не слушают ни одного доклада, которые не были бы посвящены вопросам войны и не доказывали бы несомненности победы большевизма в Европе. «Победа», «разгром немецких оккупантов», — почти только из этих слов и состоят выступления советских политических деятелей и журналистов. В конце концов, если бы в типографии «Правды» пропала половина букв русского ал-

фавита, то и это не помешало бы выходу очередного номера газеты, так как словарный запас этого органа делает излишним пользование всем алфавитом. Происходит это не столько от глупости сотрудников, сколько от раз навсегда взятой установки бить читателя по черепу набором одних и тех же стереотипных, навязанных в зубах, фраз и лозунгов. Такой прием, действительно, способен доводить даже умных людей до полного обалдения.

Третьей особенностью советской пропаганды является ее принудительность. Человек не может скрыться от соответствующей идеологической обработки, которой его подвергают как какую-нибудь производственную деталь. Если он сам не читает газеты, ее читают ему на цеховом собрании или на политчase в армии. Если он уклоняется от слушанья радио, его все равно заставляют высидеть на собраниях, где по три часа распинаются продажные партийные пропагандисты и лекторы. Большевистская пропаганда назойливее, чем любая буржуазная реклама туалетного мыла или зубного порошка. Она преследует человека повсюду, во всех случаях его семейной и общественной жизни.

Но ослепление не есть убеждение. Вот почему характерны случаи, когда человек, вырываясь из-под власти красного удава, очень скоро начинает смотреть на вещи нормальными глазами, без искажающих советских очков. Происходит это не потому, что у этого человека не может быть стойких убеждений, а потому, что пропагандный туман выветривается от чистого воздуха.

В этом смысле характерно, что большевики не в состоянии овладеть сердцами тех миллионов человек, которых они пытаются опутывать своими сетями. Если мы взглянем на страницы большевистской печати, то увидим, что даже хватаясь за такие великие слова, как «героизм» и «патриотизм» сталинские холопы бессильны согреть их под тенью чувства. Самое святое в устах партийных прохвостов протитутуруется, превращается в казенные прописи такие же, как «отец и учитель товарищ Сталин», или «уничтожим до единого немецких оккупантов». Большевики умерщвляют не только людей, но и высокие понятия, самый язык народа. Мы знаем силу и подлость большевистской пропаганды. И все же мы верим в победу, в торжество национальной идеи. Мы верим потому, что чем сильнее подлость, тем скорее объединяются человеческие силы на борьбу с ней.

Военное положение Германии

Каковы в настоящее время характерные особенности германского способа ведения войны? Прежде всего — крайняя сдержанность. На востоке Германия уже в течение полугода ведёт оборонительные бои и отражает величайший неприятельский натиск, не давая вывести себя из состояния спокойствия и сдержанности. В тот же период времени Германия сумела с минимальными силами превратить неприятельское наступление в южной Италии в «наступление по сантиметрам» и, повидимому, не собирается там вводить в действие больше войск, чем необходимо, чтобы сделать англо-американцам жизнь не сладкой. При всем том Германия, очевидно, держит в резерве значительные части своих вооруженных сил. Возникает вопрос, как же повлияла на положение Германии эта стратегия сдержанности, какие выгоды рассчитывает Германия этим получить и какое из этого образовалось соотношение сил для будущих боев.

Стратегия выигрыша времени

Известный германский специалист по военным вопросам, генерал Диттмар в разговоре с иностранными журналистами отметил, что военное положение Германии сейчас несомненно лучше, чем в октябре прошлого года. Германская стратегия на восточном фронте, направленная к тому, чтобы выиграть время, очевидно оказала благоприятное влияние на общую обстановку. *Стратегия выигрыша времени состоит в том, что Германия, по вполне определенным причинам, ждет вполне определенного развития событий.* Германия строит свою работу в расчете на долгий срок войны и для этого развития готовит в большом количестве и людей и материал.

Вопрос резервов

Если задать себе вопрос о резервах, имеющих особенное значение именно сейчас, то окажется, что германская стратегия крайней сдержанности и бережливого использования людей и материала уже теперь дает результаты. *Германские резервы, так заявил генерал Диттмар, теперь сравнительно больше советских резервов, так как большевики, в своем стремлении бросать в бой возможно большие массы и тем самым добиться решительного результата, мобилизовали людей выше верхнего и, прежде всего, ниже нижнего предельных возрастов.* Характерно, например, сильное понижение качества большевистской пехоты. Правда, массы которые большевики ведут в бой, все еще очень велики, но степень их обученности и их боеспособность теперь, несомненно, гораздо ниже, чем хотя бы пол года тому назад.

Советские потери

В то время, как большевики с величайшими затратами людей и материала все время продолжают применять свою тактику перенесения главной тяжести атак из одного пункта в другой, *германцы для восстановления положения ограничиваются доставкой к соответствующим участкам фронта весьма незначительных подкреплений.* Весьма характерно, что этого незначительного подкрепления оказывалось достаточно во всех случаях, даже при положениях, казавшихся сначала весьма угрожающими, и что эти резервы всегда обеспечивали германскому командованию возможность снова прочно взять в свои руки инициативу. *Советские потери за время с начала наступления 5 июля и по конец 1943 года, по осторожной оценке и по заслуживающим доверия данным, могут быть определены в три миллиона человек.* Бросается в глаза очень высокий про-

Бронеавтомобиль открыл огонь по противнику

цент убитых на советской стороне, объясняющийся тем, что советское командование заставляет сражаться своих солдат до конца и в тех случаях, когда положение их безнадежно. Германские же потери даже во время самых упорных боев поразительно малы и стоят ниже среднего, которое предусматривает германское верховное командование. Напротив того, по проверенным данным, исходящим из советских источников, советские потери уже превосходят в настоящее время пополнения, посылаемые большевиками на фронт.

Выдохлись...

Другой важной характерной особенностью военного положения Германии на востоке является тот факт, что до сих пор все советские атаки, начатые в большом масштабе и с беспощадной затратой сил, в скором времени выдыхались. Правда, советская тактика перенесения массовых атак с одного участка фронта на другой позволяет большевикам почти всюду вначале продвигаться вперед. Однако, германскому командованию всегда удается быстро производить перегруппировку сил и парализовать неприятельское наступление. Советскому командованию ни где не удалось осуществить ни крупного оперативного прорыва, ни окружения. Небольшие отступательные движения отдельных групп германских войск и даже крупные выпрямления линии фронта оказались крайне действенным средством, чтобы парализовать даже самые большие усилия большевиков.

Таким образом, германская стратегия сдержанности в своем целом, также, как и германская тактика в отдельных оборонительных боях на востоке, оправдали себя по всей линии и дали Германии ценные средства и возможности для предстоящих боев.

В полной готовности встретить неприятельское вторжение в Европу, Германия располагает значительными массами войск, которые с точки зрения людского состава и материала составляют одно, вполне отвечающее своему назначению, целое. Если же к этому возникнет надобность, Германия имеет возможность усилить и эти массы войск, отнюдь не ослабляя войск, стоящих на других фронтах.

В. Орнев.

Исторические очерки Дона

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолжение *).

XXI —

На службу. — Одинокая жизнь казачки. — Жизнь казака-походы, походы и еще — походы.

Быть может, во всей жизни казака не было и не будет более ярких светлых, радостно волнующих, душу поднимающих дней, как эти свадебные дни. Невеста-девушка в цветении восемнадцатой весны, окруженная милыми, радостно взволнованными подругами. Все принаряжены, счастливы чужим счастьем. На всех жемчуга и ожерелья из монет или камней, блестят уборы, но еще того более блестят глаза девицы. Чистые поцелун смущенной девушки. Хмель вина — и счастья хмель... Дорогие подарки. Он — князь!... Он юзанин!... Он обладатель всей этой милой еще застенчивой молодой радости. Поздравления старших... Вчера — малолетка, у всех на побегушках — сегодня — казак, муж покорной жены. Сколько незабвенных часов останется навсегда в памяти казака и украсят его тяжелую жизнь.

Пройдет год. Редко два — разве, что очень молодым оженят казака, а то пройдет всего лишь месяц, или, как то было у казака Зимовейской станицы Емельяна Пугачева — одна неделя пройдет полного счастья, медового месяца и уже:

— Конь боевой с походным вьюком
У церкви ржет — кого-то ждет.
В ограде бабка плачет с внуком,
Молодка возле слезы льет.

А из дверей святого храма
Казак в доспехах боевых
Идет к коню, из церкви прямо
С отцом, в кругу своих родных.

Жена коня подводит мужу.
Племянник пику подает.
— «Вот»; — говорит отец, — «послушай
Моих речей ты наперед».

«Мы послужили Государю,
Теперь тебе черед служить.
Ну, поцелуй-же женку Варю,
И Бог тебя благословит...»

«И да пошлет тебе Он силы
Долг службы свято соблюдать,
Служить, как мы Царю служили,
И славу рода поддерживать.»

«Иди туда, куда укажут
Господь, начальство и черед,
Когда-же в бой лететь прикажут,
Благословясь ступай вперед...»

«Но ни в бою, ни перед боем
Ты не бранись, не ругай;
Будь христианин и перед боем
Крестом себя ты осеняй...»

«Коня тебе даю лихого,
Он добровит был у меня,
Он твоего отца седого
Носил в огонь и из огня.»

«А добрый конь — все наше счастье,
И честь и слава казака,
Он нужен в счастье и в напасти,
И за врагом и на врага...»

«Конь боевой всего дороже,
И ты, мой сын, им дорожи;
И лучше сам ты ешь поплоче,
А лошадь в хоме содержи...»

«Тот колет пикою ловчее
И в деле тот и молодец,
Кому коня добыл добрее
Дед, прадед, дядя или отец...»

«А вот и ника родовая,
Подруга славы и побед,
И наша шашка боевая —
С ней бился я и бился дед...»

«Исправен будь. И старших слушай,
Найди товарища себе,
Живите с ним душа вы в душу,
Клянитесь выручать в беде...»

«Куда придешь ты, первым делом,
Разведай все до пустяка,
Где тракт какой, кто есть, примером,
Где лес, где села, где река.»

«Тогда ты свой в чужой сторонке
И командирам ты рука...
Ведь ловкость, сметка да споровка: —
Весь капитал у казака.»¹⁾

Проводит мужа казачка, вернется в пустой и опустыленный курень и зальется слезами. Все, часто, очень сложное казачье хозяйство ляжет на ее молодые неопытные плечи. И не справилась бы она, если бы не было в казачьем обычае помогать всею семьею, а когда нужно всем хутором, оставленной мужем казачке.

Она ждет...

Нет казакам «побывки» домой. Нет отпусков. Никто не придет с чужой дальней сторонки. Разве вернется тяжело раненый, изувеченный в бою с горцами, или турками казак однополчанин. Побежит к нему Варвара Миронова, послушает короткий рассказ.

— Ну, как мой-то?
— Ничего.
— Сражается, поди?
— Как на-ло-ть.
— Жив?.. Здоров?..
— Пока Бог милует.

Писем нет. Какая тогда почта была. И надо ждать. Казачка ждет три долгих, долгих года. И вот:

Всем то полкам
С Дона смена идет,
А мому-то дружку
Перемены нет...

Еще на три года остались... Так нужно.
И часто, часто:

Как и все полки с моря домой идут,
А мово-то друга милого — коня ведут...
А на коне-то лежит седельце черкесское,
На седельце лежит подушка козловая,
Во подушечке лежит рубашечка белая...
Не чистым-то чисто она вымыта
Да в крови-то вся она измазана...
Умирал, молодец, друзьям приказывал:
«Как лучит Господь вас на тихий Дон,
Отнесите вы моей жене поклон...
Скажите, чтобы не мыла рубашечку в речной воде,
А чтоб выбанила ее горючей слезой,
Да чтоб не сушила ее на солнышке,
А чтоб высушила ее — на своей груди.»

Каждый поход приносил славу Донскому казачьему войску. Пригодили станичники с похода, привозили в храм дорогие хоругви иконы и паникадила, привозили жемчуг к родной иконе Аксайской Божией Матери. Этот жемчуг был, как слезы казачек по своим убитым мужьям.

Жизнь казака проходила в походах и боях. Там она и кончалась. Вернулся казак с третьей перемены, а в четвертую уже и сына повел.

Стариками возвращались в родные станицы. Соберутся старые служаки теплым весенним вечером у станичной избы на рунтуке, вспомнят былые годы, старые походы, пропойт полковые песни. Помолчат в раздумьи о прожитой жизни и скажет кто нибудь из них с глубоким проникновением:

— Да... Заслужили наши казаки Богу, Государю и великому войску Донскому!...

* См. №№ 17-24 «На Казачьем Посту»

¹⁾ Из стихотворения донского казака А. Туроверова.

Война с Наполеоном 1805-го года. Шенграбенское сражение. Аустерлиц. Война с французами 1806—07 годов. Атаман Платов в Пруссии. Старые казаки на войне. Дело у Гейльсберга. Фридрихланд. Тильзитский мир. Платов и Наполеон. Дружба казаков с пруссаками.

— Хвалим Платова героя: —
Победитель был врагам,
Победитель был врагам,
Слава донским казакам...
Украшон Дон славой Русской,
Дон собою доказал,
Что не терпит Дон французом,
Казакам приказ отдал: —
— «Вы злодеев не щадите,
Мои верные Донцы,
Царю честно послужите,
Как деды ваши, отцы»...
— «Нет, мы сделаем получше,
Чтоб прелестней было нам;
Мы по Польше, мы по Пруссии
Мы докажем всем врагам;
Мы докажем всем врагам
Славу донским казакам»...
Хвалим Платова героя: —
Победитель был врагам...

Звенит, переливается, жаворонком-подголоском к самому небу летит бодрая казачья песня в лад спорному, степному ходу казачьих коней. Все дальше и дальше сверкают копыта заброшенных «за плечо» алых пик. Поднялись на бугор; перевалили через него. Скрылись. Не стало слышно и песни. Поднятая на широком шляхе пыль улегаются. Стоявшие на окраине станицы провожавшие казаков старики, женщины и дети расходятся по куреням. Уцели кормильцы... Куда? Зачем? Кто знает?..

Десять лет — 1805—1815-й годы Россия, а с нею и вся Европа, были потрясены войнами с Наполеоном Бонапартом, его союзниками и приспешниками. В кровавом трепете коржились Европа. Одни государства погибали, на их развалинах создавались другие. По городам Русским, по помещичьим усадьбам, по селам и станицам гадали о Наполеоне. Видели в нем самого Ангихриста. Искали на нем «звериное число» 666. Старались предвидеть и угадать будущее.

В ту пору куда только ни посылало Донское войско сынов своих, лихие свои полки?! В Австрию и Пруссию, в Швецию, и Турцию, к Москве спасать Россию и потом широким маршем через Пруссию, Саксонию, за Рейн, на Сену и Марну, в самую столицу французскую — Париж!... Где только не побывали тогда Донские казаки, куда только ни занесли славное имя свое?

В 1805-м году корпус Русских войск фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова был отправлен в Австрию на помощь Германскому Императору Францу II, на которого напал французский Император Наполеон. При этом корпусе находились два Донских казачьих полка: № 2 Сысоева и № 3 Ханженкова.

Армии Кутузова угрожало окружение. Кутузов решил смелым фланговым маршем пробиться со своими войсками перед лицом всей французской армии на соединение с австрийцами. Прикрыть этот марш должен был аррьергард князя Багратиона в 5.000 человек.

4-го ноября 1805-го года Багратион укрепился в деревне Шенграбен. Ему было приказано продержаться во что бы то ни стало сутки, пока армия Кутузова дойдет до деревни Погорлиц, где соединится с австрийцами.

К вечеру к Шенграбену подошел французский тридцатитысячный корпус лучшего французского маршала Мюрата. Шенграбен был подожжен и всю ночь, при свете пожара, шел неравный бой. На утро превосходящие в шесть раз раз Русских французы окружили отряд Багратиона. Полки Сысоева и Ханженкова бросились в атаку, за ними пошли в атаку остатки Багратиона. Отряд пробился и у Погорлица соединился с Кутузовым.

Полки Сысоева и Ханженкова получили георгиевские знамена с надписью: — «за подвиги при Шенграбене 4-го ноября 1805-го года в сражении 5 тысячного корпуса с неприятельским, из 30 тысяч состоявшим».

19-го ноября в присутствии императоров Александра и Франца произошло сражение под Аустерлицем. В этом неудачном для австрийцев сражении, когда были брошены им на помощь русские полки, русская гвардейская кавалерия пошла в безумно смелую атаку. В этой атаке отличился Лейб гвардии казачий Его Величества полк, бывший под начальством

полковника Чернозубова и состоявший из трех эскадронов Донских казаков и одного Черноморского (Кубанского) эскадрона. Лихою атакою на французских латников, только что сокрушивших Кавалергардский полк, где пали смертью храбрых все офицеры, лейб казаки спасли пехоту. К концу дня лейб казаки, спешившись, вместе с остатками Кавалергардов и Л. Гв. Измайловским полком прикрывали отступление Русской армии.

На другой день Австрия покорилась Наполеону. Император Франц утратил наименование Императора Германского и стал именоваться Австрийским Императором... Очередь погибать стала за Пруссией.

Русский Император был связан союзом с Прусским королем Фридрихом Вильгельмом III. За два года до войны с Австрией Император Александр I был в Берлине и подле Берлина, в Потсдаме, у гроба короля Фридриха, Великого Александр, прикоснувшись губами к гробнице, протянул руки Прусскому королю и королеве Луизе и поклялся им в вечной дружбе.

Наполеон знал об этой клятве. Собираясь напасть на Пруссию он решил связать Россию на юге войною с турками.

Осенью 1806-го года с Дона были двинуты полки: — семь полков в Молдавию в армию Кутузова и 13 полков с атаманом Платовым пошли в 60-ти тысячную армию генерала Беннгсена, находившуюся в Пруссии для ее защиты.

2-го января Донские казачьи полки Иловайского 9-го, Андропова, Сысоева 3-го, Малахова, Грекова 18-го, Киселева 2-го и Паузуина приняли участие в большом сражении у деревни Преишиш-Эйлау, 27-го января в снежную бурю полк Киселева в конной атаке разбил и уничтожил прорвавшуюся сквозь Русские полки французскую гвардейскую кавалерию.

Русские войска отошли на реку Пассаргу. Французы, не ожидавшие такого отпора со стороны Русских, девять дней простояли на месте. За это время на реку Пассаргу прибыл с Дона атаман Платов с полками Атаманским, Ефремова 3-го, Селиванова, Иловайского 10-го, Иловайского 5-го и ротой Донской артиллерии. Полки эти густою сетью пикетов и партий прикрыли Русскую армию от французов.

Началась та полная подвигов служба охраны, сторожевки и разведки, в которой казаки не имели себе равных. Началось боевое знакомство донских казаков с пруссаками. Удивлялись Пруссаки, когда приглядывались к донцам. Что-же это за люди? Что за особый воинственный народ? Рыцарь народ нашел другого рыцаря — народ.

С полками Платова пришел в Пруссию Березовской станицы урядник Евсей Селезнев, бывший ординарец Суворова. Пятнадцатилетним казаком пошел он на войну и тридцать лет прослужил бесценно в казачьих полках, не зная себе ничего, кроме славы казачьей. Своими рассказами про Суворова — а как хорошо его знал старый урядник, как верно усвоил Суворовскую «науку побеждать», — про Италию, про переход через заоблачные выси Сеп-Готарда он увлекал молодежь на подвиги. Теперь Селезнев возил за Платовым его атаманское знамя.

Видели немцы в окружении Платова семидесятилетнего старика казака Усть-Бело-Калитвенской станицы Обухова. Он был участником еще семилетней войны. Был тогда против Пруссии и ее «лютого короля», теперь явился на те же поля, как союзник немцев. При Императрице Екатерине II он участвовал в первой и второй войнах с турками, с Суворовым и Платовым брал неприступный Измаил, а теперь пошел за сына...

Со своим сыном пришел на войну поручик Гаврилов. Одинадцать ран было на его теле. Он давно считался в отставке, но, когда стал собираться на войну его сын — загорелось сердце старого вонна. Он стал проситься в полк. Напрасно друзья его отговаривали: —

— Да ты-же стар... Где тебе уж воевать?

Старик только рукой отмахивался,

— Друзья мои, — говорил он, — я иду на войну, чтобы научить моего сына, как разить врагов отечества, хочу видеть, как он будет следовать по стопам отцов своих. Рука моя, конечно, слаба и не в состоянии сбить всадника дротиком, но я, будучи при сыне и укажу ему, как управляться с врагом.

В почтовых партиях и пикетах Гаврилов нигде не отходил от сына и передавал ему свои знания и опыт. 24-го мая 1807-го года на реке Алле он был убит.

Что это были за люди! Верно сказано про них: —

— Гвозди-бы делать из этих людей: —

Крепче-бы не было в мире гвоздей...

У города Гейльсберга, 29-го мая, Наполеон начал наступление на Русскую армию. Полки Адриана Карповича Денисова находились на охране правого фланга армии.

Уже не раз французская ковшина бросалась на казаков, но всякий раз заманенная лавой бывала опрокинута.

Вдруг показались французские латники-кирасиры. Они

были уверены, что казачьи дротики сломаются и копыа погнутся о их стальные доспехи. Многие казаки в первый раз увидели такую конницу. На громадных лошадях, с ног до головы закованные в железо, рослые люди бесстрашно врубались своими тяжелыми палашиами в казачьи ряды. Ломались казачьи дротики о латы, копыа гнулись. Смятение началось в рядах полка Ефремова, столкнувшегося с французскими кирасирами.

Вдруг кто-то из старых, видавших виды казаков, крикнул: —

— Колпаки долой!

— Колпаки долой! — понеслось по казачьим рядам.

Копыа направились в лица под каски. Кирасиры, сраженные на смерть стали падать на землю. Атака французов была смята...

В это время из дальнего леса показались длинные линии полков французской кавалерии, шедшей на выручку кирасирам.

Казакам грозила или гибель или отступление. Денисов, ученик и любимец Суворова, не знал слова «отступление». Он проскакал к своим полкам. Он встретил два прусских конных полка. Их вел генерал большого роста, рябоватый, с большим носом и со шрамом старой раны на лице. Он подъехал к Денисову. Генерал говорил по французски, Денисов тоже говорил по французски.

Денисов предложил немцам атаковать вместе французскую конницу.

— Охотно, — ответил пруссак.

Под общей командой Денисова немецкие и донские полки пошли навстречу французам. Они смяли их и прогнали до леса, но, наткнувшись на бывшую в лесу пехоту, принуждены были отойти на прежнее место.

Смеркалось. Французская артиллерия кидала гранаты по казачьим полкам. Казаки рассыпались жидкой лавой и медленно отходили. К ним приехал Платов.

Целый день казаки провели в бою. Они ничего не ели, не расседывали лошадей. Лавы свернулись в «звенья». Казаки, кроме дозорных, спешились. Тихо протекала теплая душная майская ночь. Как только стало светать Платов, прошедший ночь с казаками, приказал отряду Денисова продвинуться вперед и влево и занять промежуток между лесами и там не пропустить французов.

Едва Денисов дошел до указанного ему места, как увидел шедший на него большой отряд французов. Шла конница и пехота, блистали в лучах восходящего солнца медные тела французских пушек.

У Денисова была только конница. Он решил: — «лучший способ обороны — атака»...

Французская конница развернулась против Денисова; пехота побегала в лес, чтобы лесом зайти во фланг Денисову.

Денисов бросил полк Ефремова в сомкнутом строю в атаку на французскую конницу; полк Астахова направил к лесу, чтобы тот лавой не допустил французскую пехоту выйти из леса, сам стал в резерве.

Платов, ознакомившись из доклада посланного Денисовым офицера о положении отряда, послал часть своих полков на выручку, но Денисов один справился с врагом.

Полк Ефремова так стремительно атаковал французскую конницу, что та, не приняв атаки, повернула назад. Астахов лавой загнал пехоту в лес и не дал ей выйти из него.

Денисов глазам не верил. Как легко далась ему полная победа над превосходящим его численно неприятелем!.. Описывая в своих воспоминаниях дело у Гейльсберга он пишет: — «видя сие, не постигал я каким образом остаюсь победителем? Ясно видел я, что произошло сие от единой благодати Всевышнего Творца к нам».

2-го июня под Фридрихсдорфом, Русская армия столкнулась с Наполеоном. Сражение было Русскими проиграно. Приказано было отступить.

Завеса конных казачьих полков прикрыла отход Русской армии. Полки Платова бросались в атаку на авангарды французов, задерживая продвижение армии.

4 июня на Таулакской пластине казачья артиллерия заставила французов развернуться. Начался упорный бой. Спешенные казаки отбили атаки французов, сожгли мост и отошли. На другой день наступающие французы были снова остановлены в Кучелахском лесу, где казаки засели за засеками, а полки Грекова 18-го и Иловайского 10-го атаковали в дротики французов на лесной прогалине. Движение Наполеона снова было задержано на четыре дня.

7-го июня Платов ушел за реку Неман. Здесь узнали казаки, что в Тильзите идут переговоры с Наполеоном о мире.

По случаю заключения мира и союза с Францией в Тильзите были празднества. Не легко дался этот мир и союз Императору Александру. Еще вчера он отказывал Бонапарту в им-

ператорском титуле, не признавал его за государя, еще вчера он считал, что Наполеон незаконно сидит на престоле французских королей, а теперь ему приходилось принимать его, как равного, говорить льстивые речи, «сознавать» себя побежденным и уступать ему первое место... «Подумать только, что я провел эти дни с Бонапартом», — писал Александр своей матери... — Никогда Александр Павлович, во всю жизнь не мог переварить этого свидания; чувства его достоинства были черезчур уязвлены, и самолюбие державного повелителя России приходилось приносить обстоятельствам, пишет в истории великий князь Николай Михайлович.

Не менее тяжело переживали это унижение праздников с французами и Русские офицеры и казаки, последние особенно. Не легко было и Донскому атаману, вызванному на этот праздник. Шли смотры и парады то Русских, то французских полков, торжественные обеды, угощение то русскими французам, то французами русским. На одном из таких обедов император Александр представил Платова Наполеону. Наполеон отозвался с большой похвалой о казаках и сказал, что он слышал, что казаки и теперь стреляют из лука и что он слышал, что их атаман прекрасно владеет луком.

— Я хотел бы видеть это ваше искусство, — сказал Наполеон.

В ушах Платова звучали слова казачьей песни: — «что не терпит Дон французов». Он вопросительно посмотрел на своего Государя. Император Александр сказал атаману: —

— Покажи свое искусство, Матвей Иванович. Нам есть чем похвалиться перед французами.

— Но... Ваше Величество... Ведь они... враги? злодеи?..

— Теперь они друзья... После обеда ты нам покажешь свое умение метать стрелы.

Платов послал за своим богато украшенным, любительским луком и приказал за шатром на поле поставить мишень.

После обеда Платов в присутствии обоих государей метал стрелы. Наполеон был поражен силою и меткостью стрельбы.

— Это страшнее ружья, — сказал он.

Наполеон на память об этом подарил Платову дорогую табакерку со своим портретом. Платов не пожелал оставаться в долгу перед Бонапартом и передал ему свой лук и стрелы. Платов никогда не употреблял подаренной ему императором французам табакерки. Он не хотел смотреть на изображенный на ней портрет «злодея».

За недолгую эту войну донские казаки сдружились с немецкими солдатами и мирным населением Пруссии. И как то особенно полюбили донцов мальчишки-школьники.

Во время битвы под Пассенгеймом все школьники вышли из городка и наблюдали, кто победит. А когда после победы казаки входили в городок мальчишки строем с песнями пошли казакам навстречу.

— Что это они поют по немецки? — спросил кто то из офицеров.

— Это они нашу песню поют, ваше благородие, — ответил урядник. У нас ее переняли. Только слова по своему придумали.

И точно школьники пели по немецки: —

— Хвалим Платова героя —

Победитель был врагам...

В город шлй женщины с кувшинами молока на продажу. Мальчишки с казачьим гиком атаковали их, отняли молоко и при общих веселых криках и хохоте отдали молоко утомленным боем казакам.

За войну с французами 1807-го года, 11-го августа 1811-го года войску Донскому были пожалованы Георгиевское знамя и грамота. В грамоте этой значилось: —

...«Врожденная бдительность донских воинов ограждала спокойствие нашей армии, а главнокомандующему служила вместо дремлющего ока»...

Этот грамотой подтверждались все права и преимущества Донского войска, дарованные Императрицей Екатериной Великой и утверждались «нерушимость настоящего образа его служения и неприкосновенность всей окружности его владений»...

Пришедшие на Дон казаки сложили об этой войне и о Прусской земле песню: —

— Под славным было городом, под Гутштадтом
Протекала там речушка, река слезовая,
А на речушке струя бежит, струя кровавая;
По над речушкой сады цветут, сады зеленые.
В зеленом то саду не кукушечка, она куковала,
Жалко, жалобно голосочек свой она выносила;

Она всю то нашу армейшку прослезила...
— «Ну вы стойте, наши казаченьки, стойте, не робейте
Государева свинцу пороха не жалеите,
Как завтра будет вам, казаченьки, награждение:
Будет жаловать Государь, жаловать крестами,

Еще жаловать своим Царским знаменем»...
Но молодые тут малолеточки не испужались,
По темным лесам они разъезжали...

П. Краснов.

(Продолжение следует)

Старшинство казачьих войск

В вопросе о происхождении казачества нет ясности и определенности. Одни историки считают, что казачество существовало до татарского нашествия, наследовав древнее Тмутараканское княжество или создавшись из днепровских черкасов; другие историки относят зарождение казачества к более позднему времени, считая что в его зарождении сыграло главную роль более московское (великорусское) население.

Нет ясности и в объяснении самого слова КАЗАК, — одни производят его от «косоков» — народа Кавказского; другие — от «казар», — народа Скифского, третьи — от «Касахии», — Закавказской области, упоминаемой Константином Багрянородным; четвертые — от «ко» и «зах», — монгольских слов, означающих: первое — «броня, латы, защита», а второе — «межа, граница, рубеж»; откуда «козах», значит — «защитник границы»; пятые от значения этого слова наполовецком языке — «сторож», «передовой»; каждое из этих предположений столь же правдоподобно, как и остальные.

Первое упоминание русской летописи о казаках, обитающих по «Червленому Яру» (т. е. между реками Воронежом, Доном и Хопром), имеется в рассказе о набеге ордынского царевича Муштафы на Переяславль-Рязанский в 1444 году. В 1502 году великий князь московский Иоанн III в наказе к великой княгине Рязанской Агриппине, упоминает об ее городовых казаках, криказывая тех из них, «кто пойдет самодурью на Дон в молодечество» казнить пещадно. Вольные казаки в пределах Южной России упоминаются впервые в 1538 году в ответе московского правительства на жалобы нагайцев, а в 1549 году говорится уже о Донских казаках в переписке московского царя Иоанна 4-го с нагайским князем Юсуфом. По летописи 1552 года, Донские казаки составляли часть русского войска при покорении Казани; по первой царской грамоте, привезенная на Дон вместе с первым царским жалованьем Донским казакам боярином Иваном Новосильцевым, была датирована 3 января 1570 года. — с этого числа и ведется старшинство Войска Донского.

Кубанскому Войску официальное старшинство установлено с 1696 года, по старшинству Хоперского полка, вошедшего в состав Кубанского войска и составленного из остатков рассеянных после Булавинского бунта (1716 г.) на Дону хоперских казаков, участвовавших в походе на Азов в 1696 году. Началом же поселения казаков на Кубани был 1788 год, когда было разрешено уцелевшим после разгрома Сечи (1775 г.) запорожским казакам во главе с атаманом Сидором Белым селиться на полуострове Тамани. Запорожские же казаки ведут свое начало с 1556 года, когда на островах (порогах) Днепра образовалось войско вольных

холостых казаков под названием Запорожской Сечи, с кошевым атаманом Евстафием Дашкевичем.

Терское Войско свое старшинство ведет с 1577 года, когда был основан город Терки в устье реки Сунжи; но есть предание, что еще в 1520 году часть рязанских городовых казаков, живших в Червленом Яру, спустилась по Волге и обосновалась в устье Терека; казаки поселившиеся на самом Тереке, стали называться «терскими», а поселившиеся ближе к острогам (гребню) гор «гребенскими».

Астраханскому Войску старшинство было дано с 28 марта 1750 года, когда Астраханская казачья команда, основанная в 1737 году, была переименована в полк; но в составе гарнизона, оставленного в 1552 году в покоренной Астрахани, уже упоминаются казаки.

Уральское Войско (называвшееся до 1775 года Лицким) свое официальное старшинство имеет с 9 июля 1591 года, когда впервые Лицкие казаки упоминаются в наказе царя Федора Иоанновича к астраханским воеводам; но есть сведения, что уже в 1577 году часть казаков, бывших на Волге, во главе с атаманом Нечаем обосновалась на реке Янке (переименованном в 1775 году в Урал) и в 1581 году составили вольное казачье войско, основав Лицкий укрепленный городок.

Оренбургскому Войску старшинство было установлено (только в 1913 году) с 1574 года, когда воеводой Иваном Нагим был основан острожек (укрепление) Уфа и в нем учреждены городские уфимские казаки, присоединенные в 1740-х годах к казакам новоустроенного Оренбурга, вместе с Исетскими и Самарскими казаками, а так же охотниками из Уральского войска.

Сибирское Войско ведет свое старшинство с 6 декабря 1582 года, когда посланец Ермака Тимофеевича в Москву атаман Иван Кольцо с товарищами поклонился Ивану Грозному царством Сибирским. Основание же особого Сибирского казачьяго войска было положено только в 1760 году из ядра донских казаков, составивших кордонную линию в Сибири.

Семиреченское Войско имеет старшинство одинаковое с Сибирским — 5 декабря 1582 года, будучи основано в 1867 году, с выделением в его состав двух (9-го и 10-го) Сибирских казачьих полков.

Забайкальское Войско официально было образовано 17 марта 1851 года в составе 4-х полков из пограничных казаков и 2-х из бурят; но еще в 1644 году атаман Василий Колесников со своими товарищами впервые проник в Забайкалье, подчинил своей власти бурят и тунгусов, построив несколько укрепленных острогов, а в 1760 году из покоренных тунгусов уже был сформирован Тунгусский казачий полк.

Амурское Войско было основано 8 декабря 1858 года, из присланных за два года до этого на Амур пяти конных и двух пеших сотен забайкальских казаков.

Уссурийское Войско было основано 26 июня 1889 года.

Кроме одиннадцати казачьих войск числилось еще два отдельных дивизиона Иркутских и Красноярских казаков, старшинство которых можно считать с 1725 года, когда было составлено первое расписание (штат) Сибирских служилых людей.

Казак

Лбищенский рейд

(Продолжение*)

По стану уже передают новость: «Пленные обозники рассказывают: в Лбищенске стоит Чапаев со своим штабом. Орудий нет, только пулеметы и винтовки. Есть школа курсантов. Командир товарищ Чекин. На ночь выставляют посты на окраину. Есть в Лбищенске жители, главным образом казачьи семьи, казаков нет. Штаб Чапаева стоит на площади в большом доме у собора». Как и откуда узнали эту новость — неизвестно, но передавали со всеми подробностями.

Еще пред выступлением было выдано каждому казаку по сотне патронов, а кто хотел — взял больше. В три часа ночи подошли к исходному рубежу. От командира полка пришел приказ: «Спешиться, коней отдать коноводам. Развернуться в цепь и идти в наступление на Лбищенск». Впереди чуть маячили ветряки. Летняя ночь короткая. Чуть стало сереть, запорхали, зачирикали предутренние птички.

Днем 4-го сентября Василию Чапаеву — командиру 25-ой дивизии — начальник штаба донес, что высланные в степь за сеном обозники, захвачены казачьими разъездами.

— Следовало бы, Василий Иванович, послать два аэроплана на разведку, а на ночь усилить посты и заставы с пулеметами.

— А что же это первый раз, что-ль? Налетел там какой то казачий разъезд, а тут уже — казаки под Лбищенском. Казаки везде мотаются, на то они казаки. Они в степи, как рыба в воде. Иван Кутяков мне пишет: он так пугнул Петряев под Сахарной, что до сих пор не очухаются. Куда же им на Лбищенск соваться. Посылали же аэропланы в разведку, — ничего не нашли. Были бы — значит заметили. Ну так вот... Посты, как были, так и оставить...

В Лбищенске в ночь с 4-го сентября ничего не изменилось. На этот раз излишняя самоуверенность Чапаева сослужила ему плохую услугу. По всем известным материалам Чапаев проявил тогда прямо таки преступную халатность, хоть и были весьма тревожные признаки движения казаков. До сих пор является недостаточно выясненным: почему два аэроплана-разведчика не могли обнаружить казаков, не заметить несколько конных полков — факт сам по себе совершенно непонятный.

В мирное время Лбищенск хоть и считался городом, но вернее представлял собою большую станицу. Были там: филиал Государственного банка, почта, телеграф, Правление атамана, больница, две школы, была типично провинциальная интеллигенция, но все же городом его можно было назвать с большой натяжкой.

Окопов, пулеметных гнезд вокруг Лбищенска не было. Этим в гражданскую войну как то не занимались. Война была исключительно маневренная. Да укрепления и не могли играть особую роль, потому что сплошного фронта не было и любой укрепленный пункт можно было обойти с любого фланга.

Последующие события развернулись с необычайной быстротой. Лишь только казачьи цепи прошли ветряки, как с окраины Лбищенска сразу раздались выстрелы.

Николай видел винтовочный огонь. Вдруг вспыхнуло — ура и прокатилось по рядам. Николай тоже бежал к ближайшим дворам и кричал на бегу ура. Крас-

ные не оказали вначале никакого сопротивления, потому, что не были готовы к налету.

Николай с молодыми казаками 3-й сотни быстро пробежал до окраинных дворов. Становилось светло.

С соседнего двора выехал кавалерист. Серый в яблоках конь легко шел под ним. Кто то из казаков крикнул:

— Станячник, стой!

Но кавалерист крупным шагом ехал по улице вправо.

— Да это красный...

Казаки на бегу начали бить из винтовок. На повороте улицы кавалерист вдруг соскочил с коня и скрылся за углом улицы. Серый в яблоках конь забежал во двор и упал.

Угол улицы. На улице уже мечутся полураздетые фигуры красноармейцев. Они торопливо на бегу отстреливаются. Николай забегает во двор. Во дворе лежит серая в яблоках лошадь с перебитой задней ногой. На ней прекрасное кавказское седло с серебрянной насечкой на передней и задней луке. Молодая лошадь хорошей киргизской породы. Николай с сожалением посмотрел на дорогое седло, но возиться с ним было некогда.

Он выглянул из-за угла дома. Красные накапливались за углом улицы. Он крикнул казакам пачать из-за углов обстрел. Завязалась перестрелка с красными. Казаки начали продвигаться перебежками от двора к двору, прячась в воротах, за углами домов.

В воротах, посреди квартала, стояла женщина. Маленького держала на руках, а побольше мальчика — за руку.

— Ты с ума, тетка, сошла, — крикнул возмущенно Николай, подбегая к ней. — Тут стреляют, а ты стоишь, как в дурке.

— Да как же, родной, хочется на своих казачков посмотреть... Мой ведь тоже с вами...

— Марш в подвал... И не выглядывай... А то как раз увидишь своего.

— Сейчас... — и казачка исчезла в доме.

Николай в душе подивился: тут стрельба, смерть, а она вышла смотреть, как на забаву.

Он очутился на самом правом фланге Лбищенска, вправо за дворами сейчас же начиналась степь в сторону Сахарной. Вот и угол. На углу — кирпичная красная школа. Открытые окна.

Вдруг вправо со степи понеслось ура. Крутя над головою клинками, казаки 5-го партизанского полка шли в атаку.

— Ох, как бы нас не постреляли... — мелькнуло у Николая. — Тихон Конков, беги, скажи, чтобы спешились и занимали улицы...

Молодой казак, придерживая шашку, побежал через дворы.

Другой молодой казак Тазиев, с красноармейским мешком за плечами, пошел через улицу. За углом школы треснул выстрел. Тазиев ткнулся головой в пыль и остался лежать на дороге. Через дорогу побежал другой — Огурешников. Опять выстрел. Другой казак остался на дороге, немного не добежав до угла. Казаки перебежали, выстрелы хлопали один за другим. Еще трое казаков легли на середине улицы.

— Ловко бьют... Стрелки... — подумал Николай. Подошел к углу и осторожно выглянул. Против ворот соседнего двора, взяв на изготовку с колена, сидели двое красных и били по казакам.

* См. №№ 23 и 24 «На Каз. П.»

— Должно быть фронтовики. Ловко бьют...

18-летний Масянов выглянул из-за угла сейчас же за Николаем. Выстрел. Пуля пробила голову и тело Масянова обмякло, как перина. Его оттянули от угла. Шесть молодых казаков 3-й сотни уже лежали бездыханные.

А на той стороне улицы казак пулеметчик с подводы махал рукой и кричал: сюда, сюда, переходите скорее...

— Хорошо тебе там махать, ты попробуй перебежать... — подумал Николай.

— Ребята, — крикнул Николай оставшимся казакам. — Делать за углом разбег и перебежать улицу во всю силу. Казак перебежал один за другим. За углом лихора-

дочно стреляли, но из казаков никто не упал. Николай хотел было взять несколько казаков, обойти дворами и пристрелить двух красных стрелков, но во дворе могли пострелять всех из-за угла. Прапорщик Невзоров и вахмистр Пылаев отбились с другими казаками куда то на другую улицу.

Перебежали все благополучно. Очередь за Николаем. Он снял фуражку перекрестился: «Господи, помоги... Отошел от угла и взяв разбег, рванул во всю силу молодых ног. Он слышал, как торопливо хлопают выстрелы, как овистят пули, угол... и он спасен.

(Продолжение следует)

А. Погодаев

Т а и е

Продолжение*)

Вечером мы сидели вчетвером за столом и пили — не знаменитый Сильван, а молодое, пахучее, красноватое вино. Странное это вино. Не к шуму, не к пляске, не к любви клонит оно, как выдержанные вина. От него и не спится, как бывает. Нет, оно развязывает языки у самых неразговорчивых людей и возникает беседа. Это случилось и с нашим хозяином, и я узнала, наконец, историю его недавнего плена.

— На фронте вообще лучше, чем в тылу: знаешь свое дело, ни о чем думать не приходится. Вот заняли мы оборону. Немцы как раз в наступление шли. Ну, известно: огонь, подготовка. Мы лежим, к земле прижались. Рядом со мной Гришка был. Я ему только сказал: пу, брат, теперь держись! — тут граната как жажнет! Ранило меня в правый бок, живот распахнуло. Я сомлея, а как очнулся — смотрю, нет около меня ни Гришки, никого, а огонь уже где то сзади. Плохо, думаю, надо к своим ползти. Перевалился на брюхо, пополз — кишки вылезают. Я тут только заметил, как меня задело. Разорвал индивидуальный пакет, замотался кое как, пробую на левом боку ползти — никак нельзя. А уж тут, слышу, немецкие голоса близко. Ну, капут, значит, надеяться будут — ведь нам что про них говорили. Хотел застрелиться...

Фадеевна тихо охнула и переменяла положение. Он, не взглянув на нее, продолжал:

— Снял сапог, взял винтовку, в рот наставил, пальцами ноги спуск стал щупать... а там рукой махнул, будь что будет. Мне уж очень худо было. Да и поздно: на мотоцикле санитар ихний подъехал, в окон прыгнул. Кто живой? Русь, куда ранен?

— По русски говорил?

— Нет, да ведь понятно. Подошел, спрашивает, руку, ногу покажи. Я его понял. В бок, говорю, и показываю. Он сейчас на мне бинт разрезал, своим шелковым забинтовал. Тут еще солдаты немецкие, вынесли меня из окопа, сейчас на мотоцикл — и на перевязочный пункт. Там сразу операцию сделали и положили к одной хозяйке, меня и еще одного. Там и лежали.

— А врач вас навещал?

— А как же, каждого дня. И ведь как получилось. Хозяйка такая попала какая то, волком на нас смотрела. Мне то все равно было, я тяжелый был, лежу — молчу. А товарищу надоело, он взял да на другую квартиру перешел. На утро приходит врач — где раненый? Нету. Он к хозяйке: ты куда его девала? А она по немецки не понимает и понимать не хочет. Врач за переводчиком, тот пришел, взяли за хозяйку: куда раненого девала? Убила? Большевичка? Ну, тут, конечно, все объяснилось, а только она потом за мной хорошо ходить стала. Фадеевна, да ты бы нам нашла.

Хозяйка, точно проснувшись, стала угощать удивительно вкусными блинцами, пропитанными маслом, ленивками в сметане, нарезанными солеными огурцами и помидорами. Выпили еще по стаканчику мутноватого, слегка терпкого вина. Тася чокнулась с Василием Ивановичем и подарила его особенным взглядом, от которого передернуло Фадеевну. Я поспешила спросить:

— И долго вы так пролежали?

— Да, больше месяца. Потом отправили в госпиталь, там еще месяца три провалялся. Все бок болел.

— У тебя и посейчас все болит, — с досадой сказала Фадеевна.

— Ну, сейчас что! А только, конечно, рана себя показывает. Да, а из госпиталя перевели меня уже в лагерь в М. Там худо было, особенно в первое время. Лагерь большой, нас шесть тысяч было, так пока завтрак раздадут, уже и обедать пора. И кормили неважно. А потом приехала комиссия из самого Берлина, кому следует уши натерли, тогда, конечно, сильно против прежнего лучше стало. А там в одно утро построили нас и выкликают: кто слесаря? шофера? монтеры? выходи! Я вышел, другие тоже. Разобрали нас по совхозам. Тут уж жизнь совсем другая пошла. Начал я с немцами работать. Они меня очень уважали, особенно когда я машину русскую побитую отремонтировал, собрал по частям, можно сказать. Тогда, если мне что нужно, прямо к начальнику иду, так мол и так, съездить бы в село, и вам, и себе привез бы.

— И разрешали?

— Разрешали, — немножко неуверенно сказал Василий Иванович.

— А как кормили?

— Ну, как? Что сами ели, то и мы. Нам весь паек тот же шел, только разве вина меньше давали. И то, если хорошо поработали, шеф позовет и поднесет.

— Эх, Вася, а мы с тобой, видно, плохо поработали, что нам хозяйка не подносит, — воскликнула Тася и проворно пересела вплотную к хозяину. — А ну, Вася, скажи ты мне по дружбе, с кем ты там ждл, в совхозе в этом? Кума, ты выди, он при тебе не станет говорить, он мне по старости нашей дружбе всю правду скажет, ведь так, Вася, а?

И ее беспокойные глаза лукаво глядели на Василия Ивановича. Даша сумрачно ждала, с напряженной и фальшивой улыбкой на недобрых губах.

— Ах ты, бес, право, бес, — проговорил Василий Иванович. И потом тряхнул головой. — Что говорить? Ты, Даша, мне все равно не поверишь, а я правду скажу: ни с кем я не жил.

— Ну да!

— Вот и ну да. Я-ж знаю, что не поверишь. А только мне не до этих пустяков было. Как Кавказ заняли, стали нас по домам отпускать. Дали нам бумагу на троих и — гоняй домой! Идем мы, а я все думаю: приду я домой, а может моя Дарья Фадеевна уже кого другого приняла.

— И надо-бы, — проворчала Фадеевна.

— Что бы вы тогда сделали?

— Да что делать? Как раньше, до войны было, я-бы, конечно, не спустил. А теперь — разве я не понимаю, каково женщине. Одной, с малыми детьми, с хозяйством да с колхозной работой управляться? Там, на Украине, я этого много навидался. Покрутится, покрутится, бедная, одна, да и пустит к себе человека. Да меня и за убитого могли посчитать. Ну, думаю, уж как никак, а обмыть меня — обмоет, детей повидаю, а там видно будет, кому оставаться, кому уходить.

Все помолчали, неприятно стало. Василий Иванович засмеялся.

— Да я еще с Красноярска знал, что дома у меня чисто, — сказал он.

— Рассказывал кто?

— Нет, у нас там свое информбюро. — И он лукаво поглядел на беспокойно задвигавшуюся Тасю.

— Это списки-то эти дурацкие? — спросила она. — И кому только в голову пришло!

— Какие списки?

Василий Иванович рассказал, что в экспедиции нашего колхоза в Красногорске неведомая рука вывесила списки женских имен с указанием, кто с кем гулял. Приходящие из

*) См. №№ 20—24 «На Каз. Посту».

плена мужа с понятным интересом изучали по всей канцелярской форме разграфленную ведомость. Много было смеху, но и много злобы загоралось перед белыми листами. Любопытно то, что вся информация оказалась безупречно точной. Что получалось в результате, мы видели, — вернее, слышали — дня три назад, когда ночью раздались крики, грозный мужской голос, захлебывающийся женский и отчаянные вопли детского перепуганного голоса:

— Мамочка! Мамочка!

Тогда у меня возникло донкихотское стремление бежать, спасать, вступить... Василий Иванович крепко удержал меня за руку:

— Оставьте, не убьет.

Конечно, он был прав, наказанная грешница преспокойно бегала на другой день по селу. Только девочку, неотступно ходившую за ней по пятам, было жалко: видно, надолго засел испуг в ее печальных глазах.

Тася, желая оборвать разговор о списках — верно, и ее имя там стояло, — стала вспоминать, как появился в селе Василий Иванович, как все село мгновенно об этом узнало, а Даша, ничего еще не подозревая, вышла одна за ворота и стояла без дела, опустив руки и безцельно глядя вдоль улицы, на которой через минуту появился ее муж. Лицо Фадеевы вдруг все потеплело и засветилось. Но она сказала с прежней интонацией:

— Пой, пой! А все с тобой крестовая дама выходила.

— Крестовая дама?

И Василий Иванович расхохотался.

— А ну, дивчачки, сыграйте песню, — сказал он.

Кумы переглянулись, сели лицом друг к другу, и Тася завела песню напряженно-звонким голосом, от которого у нее

вibriровали кончик языка и губы, а у меня в ушах даже потрескивало. Даша подхватила второй голос таким же надрывным звуком, неотрывно глядя Тасе в глаза:

... Смотрите, девушки, я женщина несчастная,

И тело женщины — проклятое судьбой.

Его я встретила на клубной вечеринке,

Картину ставили тогда «Багдадский вор».

Глазки серые и желтые ботиночки

Зажгли в душе моей пылающий костер...

Тася пела с такой отчаянно-страстной тоской, что забывалась невообразимая пошлость текста, а примитивная выразительность мелодии этого уличного «жесткого романса» воспринималась мгновениями, как подлинная музыка. Невесело стало от этой песни. Я задумалась, перестала следить за словами, Василий Иванович тоже что то повесил голову... Даша оборвала песню.

— Давай другую, этой конца нет.

И она завела про Галя, которую сманили с собой казаки.

Эх, ты, Галя,

Галя молодая,

Обманули Галя,

Увезли с собою, —

завенели стройным акордом три голоса. Близнецы, все время вертевшиеся у стола, несмотря на материнские подзатыльники, вдруг тоже запищали фальшиво про Галя — и песня кончилась хохотом и новым стаканом молодого, разымчивого, разговорчивого вина прикумских виноградников.

Татьяна Левшина

(Продолжение следует)

Книжная полка

Мария Волкова. СТИХИ. Париж, 1944 г. Издание Кружка Казаков-Литераторов

Мария Волкова уже не новичек в литературе. Только что вышедший очередной сборник ее стихов содержит произведения 1939—1942 г. г. Он лишь дополняет и подтверждает основные черты уже сложившейся ее творческой личности.

Мария Волкова строга к себе, взыскательна и к форме своих произведений и к теме их, намеренно скупа на краски.

Она не смеется, даже не улыбается, но она и не плакса: она только серьезна и временами грустна.

Ее темы — частью казачьи, частью — шире их.

Все произведения разбираемого сборника по своим основным мотивам распадаются на два цикла: «Родина» и «Лирика».

Открывается сборник волнующим своей глубокой верой стихотворением «Четверговая свеча».

Самое крупное по размерам произведение — «Землепроходцы», — посвященное безвестным героям, «открытелям» и завоевателям Сибири, чрезвычайно скульптурно и так и мыслится в форме барельефа, а то и статуи.

Если когда-нибудь будет издана «Казачья Хрестоматия» (а ее следовало бы издать. Получилась бы преподавательная и презанимательная книга!), то «Землепроходцы» будут в нее несомненно включены. Это произведение вообще заслуживало бы и широкого распространения и публичного исполнения, особенно в казачьей среде.

Самым музыкальным, самым изысканным творением сборника является «Снег». Читатель прямо «слышит» тишину снежного поля, и стихи сами просятся на музыку.

Заключительное стихотворение «Поэту» мудро по своему отношению к нашему «уходу» отсюда:

Наше счастье промелькнет, как птица

И навеки скроется из глаз.

Хорошо, что жизнь не прекратится

После нас!

Хорошо, что сменит зной ненастье,

Что на ниве колос будет зреть,

Что поэты о любви и счастье

Будут петь.

И когда изглядятся на свете

Наши чуть заметные следы

Будут также в яблоневом цвете

Вешние сады.

Будет мысль рождаться в муках снова

И, воскреснув силой мастерства,

Прозвучат возвышенно и ново

Старые слова!

Следует отметить и еще многие произведения сборника: «Возвращение», «Кончен праздник», «Шиповник», «Валаам», «Октябрь», и другие.

В общем книга Волкова — радующая.

Заслуживает большой благодарности и «Кружок Казаков-Литераторов» в Париже, за проявленную им энергию по изданию сборника в такое трудное время. А. И. К.

НОВАЯ КАЗАЧЬЯ ГАЗЕТА

Вышли №№ 1—3 еженедельной центральной общеназачьей газеты, «Казачья Лава».

«Сплочение и единство казаков в борьбе за общее дело» — таков девиз нашего нового собрата, которому пожелаем успеха и благотворной работы на казачьей ниве.

На чужой

Героическая борьба казачества с большевиками за последние двадцать лет его существования вызвала появление вне пределов его территорий многих тысяч его сынов, разбросанных ныне по всем уголкам света.

Первые казаки-эмигранты появились в Румынии, куда отступила в 1920 году армия генерала Бредова. Вторая группа (Одесская эвакуация) появилась в том же году в Греции, Болгарии, Турции и на островах Мраморного и Средиземного морей. Новороссийская катастрофа в марте 1920 года явилась следствием эвакуации больных, раненых, учебных заведений, беженцев и детей в Египет и на Балканы. Часть попавших к большевикам в плен казаков на побережье Черного моря была брошена красными на Польский фронт и там несколько тысяч казаков перешло в Польшу, сражаясь против большевиков до заключения польско-советского мира, после чего все они, в составе одной сводно-казачьей дивизии (6 полков и две батареи) были поляками интернированы. Затем эвакуировались казаки с Северного фронта, вместе с частями армии ген. Миллера, и с северо-западного фронта ген. Юденича в Прибалтийские страны. После крушения Восточного фронта много казаков очутилось в Китае, Японии, Америке, Австралии, Канаде и в Персии. Самую большую группу дала Крымская эвакуация в ноябре 1920 г. Еще одну группу казачьей эмиграции дало Кронштадское восстание, в котором, кроме матросов, участвовали донцы и кубанцы. Еще долго, после окончания гражданской войны и вплоть до начала этой, казаки просачивались за границу в одиночку и мелкими группами, предпочитая неизвестность в чужих странах, страшной действительности у себя на родине.

Настоящая война вызвала новый массовый исход казаков. Последняя группа, самая многочисленная, состоит в большинстве, в рядах новых противобольшевистских казачьих частей. В прошлом номере нашего журнала мы дали несколько иллюстраций из казачьей жизни за рубежом. В этом же даем еще несколько дополнительных штрихов о том, как жили и работали на чужой стороне старшие братья тех, кто вырос в родном краю при советской власти и только теперь очутился за границей, где встретился в разных странах с начинателями и основоположниками казачьего антибольшевистского движения.

Эту заметку продолжим упоминанием, что до этой войны за границей казачество было организовано в станицы, хутора и общества других различных наименований в количестве более чем в 400 организациях, носящих как общее правило характер бытовой, покоящийся на началах взаимопомощи. Это вполне естественно, так как правовое

В сербских рудниках работал кубанец Х. На тяжелых работах в глубоких шахтах он никогда не забывал приволья Кубанских степей, оставаясь душой и телом казаком. В праздничные дни казак Х. проводил время среди своих станичников, одевая свою красивую форму, хранимую им долгие годы как святыню, с несокрушимой верой в воскресение родной Кубани.

стороне

положение эмигрантов, т. е. иностранцев без консулов и послов, защищающих бы их интересы и право на труд, было чрезвычайно тяжелое, а во многих странах и катастрофическое. И если казачьи организации сумели сохранить казачьи души и казачье самосознание в каждом отдельном члене станицы или хутора, то многие тысячи казаков обязаны им своим физическим существованием, здоровьем и полученными знаниями.

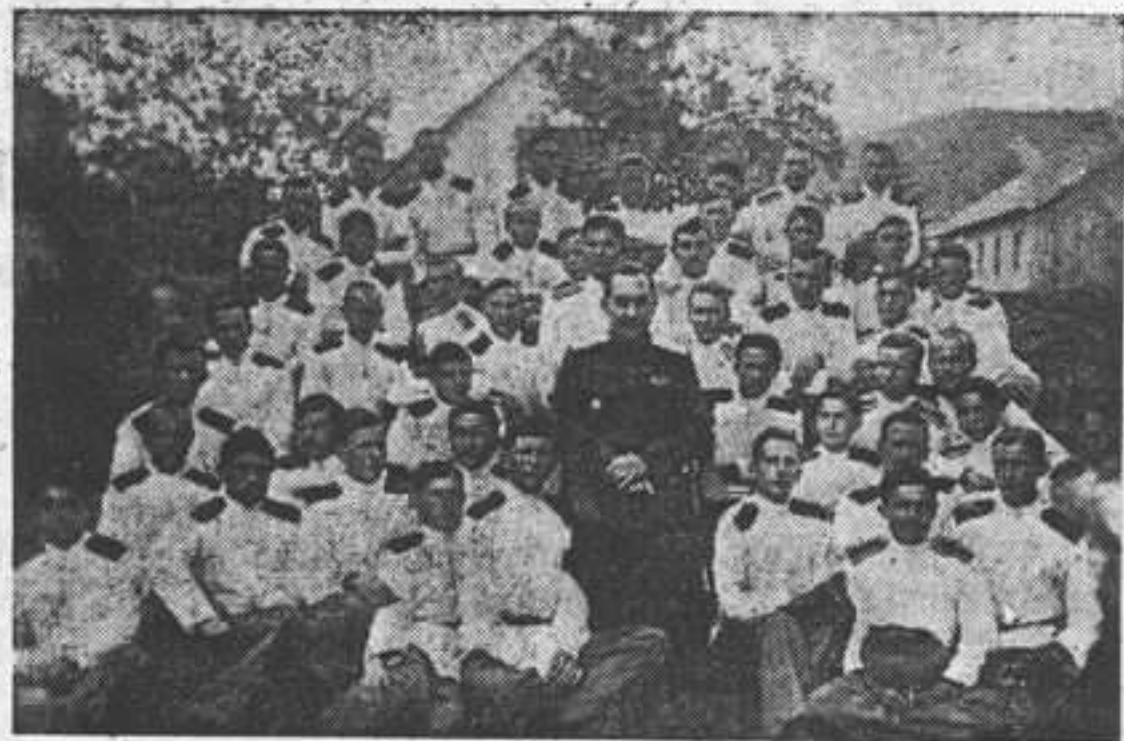
Так, например, казачья студенческая молодежь была объединена в студенческие общеказачьи станицы в Софии, Праге, Белграде и Париже. Когда в 1933 г. праздновался десятилетний юбилей Парижской студенческой станицы, то по опубликованному отчету было видно, что за этот срок в Париже 74 молодых казака получили дипломы инженеров, врачей, агрономов, и т. д. За этот срок станица собрала и израсходовала на студентов 142.580 франков. Насколько значительна эта сумма можно заключить хотя бы из того, что в то время обед из двух блюд стоил 5 франков, а в студенческой столовке — 2 франка. А касса взаимопомощи 6 юнкеров Атаманского военного училища за 5 лет выдала своим безработным и больным членам безвозвратных пособий 44.200 фр. Особую энергию проявляла общеказачья станица молодежи в Харбине, при которой были секции: культурно-просветительная, драматическая, шахматная, физического развития; кроме того — свой хор, струнный оркестр и библиотека.

Самыми благополучными в моральном, бытовом и материальном положении казаками-эмигрантами были Забайкальцы, Амурцы и Уссурийцы, основавшие во внутренней Монголии, на реке Чол, семь поселков, существующих и поныне и управляемых станичными сходами во главе с станичными атаманами. Там маслобойные казачьи заводы выбрасывают огромное количество прекрасного масла на внешний рынок.

До последнего времени на улицах Белграда и Шанхая офицеры и казаки ходили в форме — там это было обычное явление.

Едва ли найдется такая страна на земном шаре, где не показали бы чудеса джигитовки группы казаков-джигитов на громадных стадионах всех столиц и больших городов мира. Успех они имели прямо потрясающий. Группа кубанцев-джигитов полковника Елисеева забралась в такие отдаленные уголки как Бомбей, Калькутта, Сингапур, остров Ява.

О исторических и музейных ценностях, которые казаки увезли с собой за границу, и не только увезли — но сохранили и приумножили дальнейшими находками и приобретениями, — можно написать целую книгу. Один только музей Лейб-Гвардии Его Величества полка чего стоит! В отдельном большом здании в предместьях Парижа хранится все, что собиралось полком за 150 лет его существования. Ценность не только с точки зрения исторической, но и материальной, неподдающаяся подсчету. Но о том, как и что именно сохранено для Родных Краев в эмиграции, мы расскажем особо.

Выпускной класс Донского кадетского корпуса в г. Белая Церковь (Сербия) во главе с Донским Атаманом генералом А. П. Богаевским. Снимок 1924-го года

Калединская казачья станица в г. Крезе (Франция), в октябре 1936 г. устроила вечер по случаю Донского и Кубанского войсковых праздников. Один из номеров вечера — живая картина, участниками которой были дети членов станицы.

Урядник из вольноопределяющихся В. С. Машченко работает в Габоне (Экваториальная Африка) в качестве инженера. М. окончил университет в Лилле и на свои заработки содержит родителей, проживающих во Франции. Молодым инженером-казачьим начальство настолько довольное, что до истечения очередного срока контракта ему предлагает всегда подписать новый на еще лучших условиях. Насколько своеобразны условия работы в Габоне показывает происшедший однажды с М. случай, когда он, вместе с карандашом, бумагой и инструментами в руках был атакован семейством слонов. Ему пришлось вскарабкаться на высокое дерево и ждать пока почтенное семейство не удалится во свояси. На этом снимке М. объезжает свой участок на выдолбленной из бревна лодке

Результаты литературного конкурса „На Казачьем Посту“

На объявленный в конце прошлого года нашим журналом «Литературный Конкурс» откликнулось несколько десятков казаков, приславших свои рукописи. Надо отметить, что большая часть из них состояла из стихотворений. Об этой отрасли излюбленной казаками-писателями литературы мы поговорим в ближайшее время отдельно. Из полученного редакцией материала были выделены и опубликованы в №№ 19, 20 и 22 журнала следующие произведения, авторам которых присуждены премии в виде книг:

В. ВАЛОВ: Иностраный легион — рассказ;

П. ДОНСКОВ: Памяти погибших — стихотворение;

Вл. КОРОВЧЕНКО: Рождение станицы — очерк;

Иван МАХИН: Находчивость и мужество — воспоминания;

В. НИКОНОВ: Ранение Пяткова — рассказ о боевой работе казачьих противопартизанских отрядов;

Николай ПУГАЧЕВ: Змен меняют кожу;

Александр ПОГОДАЕВ: Мой старый друг — очерк;

Андрей Ф.: Родная земля — стихотворение;

Ефим ЯКИМЕНКО: Из прошлого станичной жизни.

«На Казачьем Посту» сердечно благодарит всех принявших участие в конкурсе, показавшем, что среди нас, казаков, в большинстве своем воинов, а не профессиональных литераторов, начинает выявляться рать работников пера в области поэзии, изящной литературы, публицистики и истории. Ничего сразу, без затраты труда и времени, без учения и практики, не дается — в процессе дальнейшей работы над собой будут множиться и улучшаться качеством новые кадры казачьих культурных работников, без которых невозможно будущее восстановление и возрождение наших родных краев.

Книги серии «Казачья библиотека» в издании «На Казачьем Посту»

№ 1. П. Н. Краснов. Исторические очерки Дона, часть I, выпуск 1-й.

№ 2. Его же. То же, часть I, выпуск 2-й.

№№ 3 и 4: Выпуски 3-й и 4-й готовятся к печати.

№ 5. Есаул Мих. Земцов. Слышишь, Кубань?

№ 6. Вас. Кабанов. Девятьсот тридцатый.

№ 7. Казаки-повстанцы — сборник статей современников, свидетелей и участников антисоветских восстаний на Дону, Кубани и Тереке. — сдана в печать.

№ 8. Сборник казачьих песен с нотами — готовится к печати.

Р о з ы с к и

Меркулов Иван Иванович, Фельдпост № 05869, разыскивает дядю Митрофана Терентьевича Меркулова, станицы Мигулинской.

Соколов Александр Ив., Ф. П. № 11424 - А — брата Семёна, рожд. 1902 г.

Суслин Василий Семенович Ф. П. № 59979, станицы Нижне-Чирской, просит станичников откликнуться.

Шевелев Василий Ефимович, Ф. П. № 57529, ст. Мариинской-Георгиевского района, разыск. брата Ивана и Крамаренко Василия Алексеевича.

Семиглазовы: Дмитрий Петрович (Ф. П. № 57529) и Николай Дмитриевич (Ф. П. № 56188), с хут. Поцелуева Калитвенской ст., разыскивают Петра Яковлевича Семиглазова, Петра Николаевича Кудинова и др. родственников и станичников.

Жданов Александр Иванович, Ф. П. № 58738 Д, ст. Каменской, разыскивает своего дядю Ивана Яковлевича Дерябкина.

Лукьянов Иван Ефимович, Ф. П. № 57055 Д. — дв. брата Ивана Сидоровича Лукьянова и просит отозваться Усть-Бело-Калитвенцев.

Рябуха Георгий Иван., Ф. П. № 59509 — родственников и станичников-куб.

Колесников Григ. Павл., Ф. П. № 48903 — брата Петра.

Попов Леонид Федор., Ф. П. № 59255, ст. Кривянской — своего отца.

Семенов Николай, Ф. П. № 48871 — отца и родственников.

Полковник Петр Часовников, Варшава, Отель «Виктория», Ясна штрассе — 21, разыскивает сына Владимира.

Ломов Иван Григ., Ф. П. № 57529, ст. Екатерининской Д. О. — родственников.

Погорелов Ив. Дм., Ф. П. № 48871 — братьев Михаила, Матвея, Иосифа, сына Николая и племянников.

Тимохин Павел Ив., Ф. П. № 57529, хут. Орешкина Калитв. ст. — родных.

Васильев Георгий Ник., Ф. П. № 57529, ст. Кр.-Донецкой Ростовской Обл. — сын Николая и зятя Плешакова, Ивана Федоровича.

Шумен Г. М., Ф. П. № 57055-А, аула Гатлувой Кубанской Обл. № братьев, друзей: Зубенко Дм. Семеновича; офицера Соловьева. Андрея Захаровича.

Иван Конеш, Ф. П. № 56188 № дв. братьев Ивана Сем.

Богус М. Ш., Ф. П. № 57055-А — родственников, друзей и знакомых.

Буданов Сергей Пантел., Ф. П. № 48871 а, из Новочеркаска, — брата Владимира.

Кубанцы Воронцов Илья и Комалов Григорий, Ф. П. № 57723-Д, просят откликнуться своего б. командира, капитана Фидарова.

Лейтенант Тутов Василий Дмитриевич, Ф. П. № 04508 — сына Ивана, дядю Короченцова Андрея, соти. Беспалова Павла Федоровича и казаков ст. Губской, Майкопского отдела Кубанской Области.

Глухов Владимир Лаврентьевич, Ф. П. № 58736-С, ст. Котельниково, — Иванова Аркадия Владимировича, Ковалева Георгия Андреевича и отца Лаврентия Лаврентьевича Глухова.

Конев Петр Ильич, Ф. П. № 57080 — брата Ивана, бывшего в сентябре 1942 г. в I-ой Каменской сотне.

Медведев Иван Григорьевич, Ф. П. № 48228 — дядю Журавлева Емельяна Авросимовича.

Обл., ныне прож. в Белоруссии, Барановичи, лагерь «Лесна», барак — 1 № сына Константина Владимировича, рожд. 1915 года, военного врача.

П. Аверьянов (Вейскирхен, Банат, Сербия) — брата Георгия Лукича и казаков ст. Упорной Кубанской Области.

Княшко Илья Григорьевич, Ф. П. — 56188, ст. Петровской Таманского отдела, — родственников и станичников.

Лозовой Георгий Иванович, Ф. П. № 13252-Д, просит отозваться казаков хутора Топилина Семикаракорского района Донецкой Области.

Лозинского Ивана Емельяновича, ст. Старо-Щербиновской Кубанской Обл., разыскивает жена, проживающая в г. Барановичи (Белоруссия), лагерь «Лесна», барак № 5, кв. № 9.